

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-4-128-139

## ХРАНИТЕЛЬНИЦЫ ПРЕСТОЛА: К ПРОБЛЕМЕ «ГЕНДЕРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА» В ЯПОНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

**Суханов М. Ю.**

*Российский государственный гуманитарный университет*

*г. Москва, Российская Федерация*

*e-mail: maximsukhanov2021@gmail.com*

*Поступила в редакцию 03.07.2025*

*После доработки 17.07.2025*

*Принята к публикации 02.08.2025*

### **Аннотация**

**Цель.** Выявить онтологические основания императорской власти в дореставрационной Японии посредством критического анализа концептуальных рамок современной западной историографии, претендующей на описание гендерно-плюралистической модели престолонаследия.

**Процедуры и методы.** Произведён критический анализ нарративных источников и археологических данных. Используются историко-генетический и сравнительный методы для деконструкции рассматриваемых концепций.

**Результаты.** Установлено, что женское правление было инструментом обеспечения патрилинейной преемственности (*удзи*) в условиях династического кризиса. Власть императриц носила временный и производный характер, а легитимность системы (*бансэй иккэй*) основывалась на мужской линии наследования.

**Теоретическая и/или практическая значимость.** Систематизирована критика анахроничных интерпретаций, введён онтологически обоснованный подход к анализу династической власти. Обоснована связь принципа *удзи* с Законом об Императорском доме 1889 г. для прогнозирования последствий потенциальных реформ.

**Ключевые слова:** женское правление, престолонаследие, патрилинейность, династическая легитимность, *удзи*, *бансэй иккэй*, историография, анахронизм

### **Для цитирования:**

Суханов М. Ю. Хранительницы престола: к проблеме «гендерного плюрализма» в японской политической традиции // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 4. С. 128–139.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-4-128-139

Original research article

## CUSTODIANS OF THE THRONE: ON THE PROBLEM OF "GENDER PLURALISM" IN THE JAPANESE POLITICAL TRADITION

**M. Sukhanov**

*Russian State University for the Humanities  
Moscow, Russian Federation  
e-mail: maximsukhanov2021@gmail.com*

*Received by the editorial office 03.07.2025*

*Revised by the author 17.07.2025*

*Accepted for publication 02.08.2025*

### **Abstract**

**Aim.** To reveal the ontological foundations of imperial power in pre-Restoration Japan through a critical analysis of the conceptual frameworks employed in modern Western historiography, which claims to describe a gender-pluralistic model of succession.

**Methodology.** A critical analysis of narrative sources and archaeological data was conducted. Historical-genetic and comparative methods were applied to deconstruct the examined concepts.

**Results.** It was established that female rule served as an instrument for ensuring patrilineal succession (*uji*) in times of dynastic crisis. The power of empresses was temporary and derivative, while the legitimacy of the system (*bansei ikkei*) was fundamentally based on male-line descent.

**Research implications.** The study systematizes the critique of anachronistic interpretations and introduces an ontologically grounded approach to analyzing dynastic power. The connection between the principle of *uji* and the 1889 Imperial Household Law is substantiated to forecast potential implications of future reforms.

**Keywords:** female rule, succession to the throne, patrilineality, dynastic legitimacy, *uji*, *bansei ikkei*, historiography, anachronism

### **For citation:**

Sukhanov, M. Yu. (2025). Custodians of the throne: on the problem of "gender pluralism" in the Japanese political tradition. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 4, 128–139.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-4-128-139

### **Введение**

В современной западной историографии наблюдается тенденция к интерпретации японской династической модели периода до реставрации Мэйдзи как системы, характеризующейся относительным гендерным плюрализмом в контексте престолонаследия [38]. Аргументируется, что половая принадлежность претендента не являлась определяющим фактором в утверждении политической легитимности и статуса монарха [25].

Подобные заключения, как правило, постулируются в качестве эмпирического подтверждения тезиса о высокой степени гендерной толерантности, якобы свойственной древней и средневековой Японии, подвергшейся эрозии лишь в эпоху Эдо либо, как в более радикальных интерпретациях, в период институционализации современных концепций гендера в рамках политической модернизации Мэйдзи [25, р. 23–28]. Данный дискурс, таким образом, вступает в прямое про-

тиворечие с принципом мужского первородства, законодательно закреплённым в законе 1889 г. [25, р. 23].

Однако подобный подход представляется не только методологически несостоятельным, но и обнаруживает признаки политической ангажированности, характерной для современных исследований. Тиражирование нарратива о «матриархальной Японии» – это, скорее, конструирование историографического мифа, призванного легитимизировать современные политические проекты, нежели реконструкция исторической реальности. Более того, в данном дискурсе обнаруживается имплицитное принятие современных гендерных концепций при анализе феноменов, относящихся к эпохам, когда подобные категории либо отсутствовали, либо имели принципиально иное содержание, что свидетельствует о недостаточно критическом отношении к собственным теоретическим предпосылкам. Помимо этого, современные интерпретации демонстрируют недостаточное внимание к вопросам, касающимся сущности династической власти в досовременной Японии, в частности, к концепции династийности и самого её наличия в заданной временной период, степени её институционализации и соотношению пола и онтологического статуса правителя. Очевидно, что применение современных гендерных оптик к историческому материалу, сформировавшемуся в принципиально иных социокультурных условиях, чревато не только серьёзными искажениями и анахронизмами, но и неявной политической тенденциозностью.

В числе ключевых позиций в рамках данной проблематики выделяется аргументация Н. Маккей, которая утверждает, что эпохи женского правления в Японии не следует рассматривать как экстраординарные или аномальные с точки зрения легитимации императорской власти. Маккей, напротив, постулирует, что идея о «необычности» женского монаршества является конструкцией со-

временных историков, направленной на репродукцию патриархальных нарративов в историографии. Согласно автору, традиционная японская политическая культура демонстрировала полную гендерную прозрачность в вопросах престолонаследия, выпадающего в институциональном игнорировании полового фактора при определении легитимности монарха. Более того, по мнению исследовательницы, древние нарративы и хроники сохраняли полную нейтральность в отношении пола правящего монарха, отражая сакральный и символический статус императора вне рамок гендерных категорий [38].

### **Свидетельства женского правления в ранней Японии**

Подобные утверждения, как правило, опираются на интерпретацию «Нихон сёки» [6; 11; 43] и китайских источников III в., сообщающих о наличии матрилокальной системы власти в Древней Японии [15; 35], противоречивые археологические данные, сообщающие о наличии высокостатусных женских захоронений [16; 17; 23], и анализ «древнеяпонской религии», рассматриваемой в основном через призму «Кодзики» [28; 44]. Однако каждый из этих аргументов представляется проблематичным.

Широко признано, что значительная часть нарратива «Нихон сёки», в особенности разделы, касающиеся древней предыстории и фигуры императрицы Дзингу, носит сфабрикованный характер [6; 11; 43]. Интерпретация древних курганов (кофун), даже с учётом гендерной дифференциации захоронений, не даёт оснований для однозначных выводов о доминирующей роли женщин в структуре власти. Археологические исследования действительно демонстрируют различие между священной и военной властью в ранний период Кофун, но нет свидетельств в пользу того, что это разделение не связано с половой принадлежностью *a priori* [15; 20]: напротив, цари-мужчины

также могли быть организаторами ритуальных мероприятий [35], что ставит под сомнение концепцию о доминировании женской сакральности. Более того, концепция разделения власти на сакральную и подчинённую ей, часто представляемая в виде модели *химэ-хико* (женщина-жрица и мужчина-правитель), была справедливо опровергнута [15; 35]. Внимательное изучение монументальных гробниц с замочными скважинами, приписываемых царям т. н. династии Ва, свидетельствует о дуалистической структуре власти, где сосуществовали сакральный царь, ответственный за ритуалы, и правитель, командующий военными силами [Ibid.]. Наконец, видится немаловажным, что невозможно сделать окончательные выводы о гендере правителя, выходящие за пределы нарративных сообщений [16; 17; 23].

Описание священных женщин в «древнеяпонской религии» игнорирует тот факт, что её содержание, начиная от нарратива и заканчивая статусом и генеалогией божеств, во многом является производным от китайской интеллектуальной традиции [28; 31; 44] и может мало сообщать о реальном положении вещей на Японском архипелаге. Более того, сама концепция женского жречества не обязательно подразумевает более высокий социальный статус за пределами сакральной сферы [29; 42]. Иными словами, обладание религиозным авторитетом и исполнение жреческих функций женщинами могло оставаться строго ритуальными, не трансформируясь в административно-политическое влияние.

Необходимо учесть, что возникновение подобной модели могло быть связано с распространением буддизма, который фактически закрыл женщинам доступ в монастыри до XII в., что могло способствовать концентрации женской сакральной активности в других областях [10; 18; 39]. К тому же данный взгляд упускает из виду сосуществование женских сакральных ритуалов с мужскими, равно как и явное доминирование последних [27; 40].

Китайские нарративные источники III в. традиционно рассматриваются как ключевые свидетельства о политических и социальных структурах древней Японии, однако и их достоверность вызывает серьёзные сомнения [2; 34]. Одним из ключевых источников по истории Японского архипелага III в. являются сведения из т. н. «Книги Вэй» (魏書) – официальной китайской хроники, где впервые приводится систематическое описание народов и территорий, включая т. н. «страну Ва». Именно в этом тексте описывается царство Ва с центром в Яматайкоку, возглавляемым царицей Химико, которая, согласно хроникам, направила посланника в Лоян с просьбой о приёме у императора династии Цао. Стоит, однако, учитывать, что «Глава о людях ва...» (魏志倭人伝) и сопутствующие тексты не являются результатом непосредственных наблюдений автора Чэнь Шоу, поскольку исторические данные свидетельствуют, что он лично не посещал Японию или Корейский полуостров. Следовательно, большая часть информации основана на вторичных свидетельствах, слухах и устных рассказах, что очевидно снижает их надёжность [25; 34].

Текст «Главы о людях ва...» содержит многочисленные искажения и предубеждения, обусловленные внутренними политическими реалиями династии Цао и идеологическими установками китайских историков того времени. Это подтверждается отсутствием археологических находок, которые могли бы подтвердить описанные политические образования и события. Сама категория «женского царства» (女儿国), широко оперируемая в китайских сообщениях, вводится как концепт «варварского иного», противопоставленного универсальным конфуцианским нормам, и нарушающим вселенскую гармонию, и, следовательно, служит инструментом маргинализации и стигматизации политических образований, не вписывающихся в традиционную модель онтологического миропонима-

ния, нежели содержательным термином, способным адекватно охарактеризовать структуру власти древней Японии.

Отдельно следует подчеркнуть и то прозаическое обстоятельство, что, несмотря на широкое упоминание фигуры Химики в китайских источниках, вне этих текстов отсутствуют надёжные данные, подтверждающие её историческое существование [1; 8].

Даже при допущении существования Химики и других матрилокальных образований на территории архипелага, остаётся неясным, как эти структуры соотносились с последующими иерархическими перформативными режимами периода Нара, и какова степень влияния первых на последние [32].

### **Функциональный статус женского правления**

Попытки обосновать гипотезу матриархальной системы власти (*дзёсэй тю:син сэй*) в архаической Японии посредством апелляции к периоду *хатикё-но дзёдай* (эпохе 8 правительниц) видятся в той же степени малоубедительными. Указывая на отсутствие гендерной дифференциации титула *тэнно*, исследователи утверждают, что данные правительницы обладали легитимным и сопоставимым с мужским императорским статусом, а обстоятельства их восшествия на престол не вызывали конфликта в рамках династической легитимности (*ко:сицу сэйри-сэй*). Данная интерпретация, однако, вряд ли находит убедительные подтверждения в исторических источниках и страдает от некорректной экстраполяции мифологизированных реконструкций архаического периода на документальные реалии эпохи Нара. Все исторически верифицируемые женщины-правительницы (*дзёсэй тэнно*;) принадлежали к патрилинейной династической линии (*ансэй кэйто: тэнно*;) [46, р. 73]. Следовательно, их власть носила производный (*ю:сэй-тэки*) и институционально ограниченный характер, будучи фундированной в их родственном

статусе (*эндзоку канкэй*) по отношению к императорскому дому (*ко:сицу*) [48, р. 279].

Их восшествие на престол происходило исключительно в статусе дочерей (*дзео:/найсинно*;) или вдов (*ко:тайго*;) правящих императоров-мужчин и в отсутствие подходящего наследника мужского пола (*дансэй ко:кэйся кэцудзё*). Практически их правление можно охарактеризовать как функциональную роль «Хранительницы Престола» (*тякусو но кими*), обеспечивающую континуитет (*кэйдзоку-сэй*) патрилинейной преемственности (*фукэй кэйсё: сэй*) [41, р. 206]. Таким образом, женщины-правительницы выступали либо как регентши-вдовы (*ко:тайго: сэссё*), либо как незамужние принцессы (*найсинно*;) из непосредственной патрилинейной ветви, временно занимавшие трон до достижения зрелости законным наследником мужского пола (*ко:то: ё:си*) [5, с. 15].

Явные свидетельства патрилинейной идеологической парадигмы (*фукэй идэо-роги*;) обнаруживаются в основополагающих текстах раннего периода. В «Семнадцати Статьях» Принца Сетоку основой этики правления провозглашаются принципы «Пяти Постоянств» (*горин*) и «Трёх Устоев» (*санко*), недвусмысленно закрепляющие иерархические гендерные взаимоотношения [14, с. 48]. Поэтический корпус Отомо-но Якамоти содержит восхваление доктрины «Тройного Подчинения» (*сандзю*), одновременно подчёркивая непрерывность «Солнечной Линии» (*ниттю:дзи*), основанной Императором Дзимму – концепции, глубоко патрилинейной по своей сути [36, р. 114; 49, р. 291]. Более того, большинство японских исследователей интерпретируют упоминаемый в императорских указах об интронизации «Непреложный Вечный Закон» (*фукай дзё:тэн*) как установленную императором Тэнти (661–672 гг.) норму о непрерывности мужской линии наследования [4, с. 57]. Иными словами, даже ранние и фрагментарно сохранив-

шие повествования свидетельствуют о явной поддержке патрилинейной и гендерно-подчиненной системе власти: что же говорить о хорошо сохранившихся и дошедших в большем объеме трудах, пропитанных буддийской мистификацией, таких как работы Китабатакэ Тикафусы, Дзиэн и т. д. [24, р. 130].

Исторический феномен женского правления в японской императорской традиции, вопреки попыткам обнаружения гендерной инклюзивности, следует интерпретировать через призму инструментализации элитных династических стратегий. Доступ женщин к трону не отражал широкую материальную политическую субъектность или предполагаемую гендерную нейтральность, но был продуктом структурных ограничений и манипулятивных практик правящих кланов, направленных на сохранение патрилинейной преемственности в условиях династических кризисов и турбулентности [47, р. 293]. Эпизоды женского правления в древней и раннесредневековой Японии (особенно в эпоху Нара) следует рассматривать не как исключения, подтверждающие гипотетическую гендерную гибкость, а как сложные акты элитного взаимодействия. Императрицы являлись кризисными фигурами и легитимирующими символами, чья временная власть служила фундаментально патриархальной цели – защите и воспроизводству патрилинейной (*данкэй*) и сакральной (*ниттюдзи*) основы императорской системы от угроз распада или узурпации [37, р. 163].

### **Патрилинейность как элемент политической теологии**

Исследование политической идеологии правящего дома Японии выявляет патрилинейность не просто как практику престолонаследия, но как краеугольный камень сакрально-политической легитимности, *de facto* функционирующий как «неписаная конституция» имперского порядка [33, р. 26]. Эта система,

мифологически обоснованная в сводах «Кодзики» (712) и «Нихон сёки» (720), конструирует непрерывную мужскую линию (*ко:то:*) от мифического императора Дзимму к богине Аматаэрасу, превращая биологическое родство в теологический принцип суверенитета.

Западные исследования японской императорской системы (*ко:сицу*), включая работы таких авторов, как Г. Бикс и И. Бурума, зачастую характеризуются применением универсалистских категорий, таких как «династия» и «нуклеарная семья» [26, р. 135; 30, р. 224]. Данный подход в значительной мере представляет собой навязывание чуждых европоцентричных и зачастую феминистских парадигм, что приводит к онтологическому искажению исследуемого объекта [3, с. 17]. Эти методы не только упрощают, но и радикально искажают сущность института, особенно в вопросах статуса женщин в контексте системных принципов престолонаследия. Ключевое заблуждение западных исследователей состоит в попытке вписать японскую императорскую семью в западную модель «нуклеарной семьи» и линейной династической преемственности, игнорируя при этом фундаментальную дуальную структуру, лежащую в основе системы. Эта структура базируется на нерасторжимом единстве *удзи* (氏) и *иэ* (家). При этом пренебрегается роль *сайсэй итти* (祭政一致) – синтоистского единства ритуала и власти, где *удзи* выступает сакральной матрицей политической легитимности, а также игнорируется фундаментальный теолого-политический конструкт *бансэй иккэй* (万世一系), который не следует понимать как сугубо биологический факт [7, с. 210]. Принцип *удзи* – сакральная клановая преемственность по мужской линии – является краеугольным камнем наследования Хризантемового трона (*ко:и кэйсе:*), формируя миф о «вечности и неизменности» императорской линии (*бансэй иккэй*) и делая невозможным наследование через женщин или лиц из других родов [45, р. 74].

### Младшие ветви императорского дома

Однако система не сводится исключительно к *удзи*. Миякэ, выступающие боковыми ветвями, представляют собой, прежде всего, *иэ* – перманентные «дома». Их сущность заключалась не только в обеспечении «резерва крови», но и в наследовании титула *мия* (функционального аналога фамилии), семейного статуса, земельных владений (*ре:ти*), специализированных занятий (*каге:*), родовых ритуалов и вассалов (*дзигэ*, самурай) [21, с. 116]. Существование *иэ* было теологическим основанием японской парадигмы власти, ради которого миякэ практиковали усыновление наследников, зачастую при весьма отдалённом кровном родстве – феномен, непостижимый в рамках западной биологической модели преемственности [22, с. 27]. Таким образом, миякэ следует рассматривать не просто как «потенциальных императоров», а как институционализированных хранителей традиций и преемственности дома, выполнявших функции, выходящие за пределы обеспечения наследников [19, с. 173]. Происхождение подобной модели можно проследить к 757 г., когда был принят Кэйсирэй (継嗣令, входящий в свод *Рё: но сю:гэ*). Этот эдикт императивно ограничивал членство в императорской семье потомками до пятого поколения (*синно*: – прямые потомки мужского пола по прямой линии; *о*: – их дальнейшие потомки до пятого колена) [12, с. 22]. Именно это ограничение, потенциально угрожавшее политико-теологическому фундаменту династии, стимулировало институционализацию боковых ветвей.

В 814 г. указ императора Саги (*Руйдзю: сандай кяку*) санкционировал сохранение титула *синно*: за принцами, принимавшими фамилии, тем самым формируя концепцию наследственных аристократических домов (*иэ*), которые впоследствии стали прообразом системы миякэ [13, с. 175]. Этот процесс был направлен на сохранение непрерывности династи-

ческой линии в условиях установленных ограничений. В эпоху Муромати (XIV–XVI вв.) указанные принципы получили материальное воплощение. Первый официально признанный дом миякэ, *ецуцудзи-но-Мия* (основан в XIII в.), был учреждён как семья с постоянными привилегиями, включающими особый статус и земельные владения [37, р. 9]. Кульминационный кризис 1448 г., вызванный бездетной кончиной императора Секо и поставивший под угрозу династическую непрерывность, был преодолён посредством усыновления принца Садафусы из дома Фусими-но-Мия, который впоследствии возшёл на престол как император Го-Ханадзono [9, с. 224]. Предоставление его брату права пожизненного использования титула *фусими* утвердило миякэ в качестве ключевого института, обеспечивающего как *удзи* (кровную преемственность), так и *иэ* (наследственный статус дома) [50, р. 37], что являлось прямым следствием стремления сохранить династическую стабильность.

### Заключение

Попытка реконструкции феномена древнего и раннесредневекового женского правления в Японии представляет собой непреодолимую методологическую проблему. Эта сложность проистекает не только из скудости или противоречивости источников, но прежде всего из фундаментального разрыва между современными категориями анализа (власть, гендер, агентность) и имманентными представлениями о природе правителя, легитимности и роли женщины в сакрально-политическом порядке тех эпох.

Любая интерпретация действий и статуса женских императоров неизбежно сталкивается с риском проекции современных концептов. Стремление обнаружить в их правлении признаки «суверенитета», «эмансипации» или даже «патриархального угнетения» в современном понимании является подменой имманентной логики системы чуждыми

ей рамками. Мы автоматически задаём истории те вопросы, которые актуальны для нас (например, о гендерном равенстве и субъектности), но которые были либо периферийны, либо вовсе не существовали в их мировоззрении, сосредоточенном на патрилинейности, сакральной единстве и родственных связях.

Исследование древнего женского правления также сталкивается с двойным искажением – мифом и деконструкцией. С одной стороны, мифологизация древности в угоду современным идеологическим повесткам создаёт образ «гендерно-прогрессивной» истории (как в некоторых западных работах или японском националистическом мифотворчестве) путём выборочного чтения источников и игнорирования патрилинейного ядра системы. С другой стороны, деконструкция власти женских императоров сводится исключительно к инструментам патриархата, не принимая во внимание ритуально-символический капитал и ограниченную, но реальную функциональную агентность в рамках их роли как *тякусо но кими*.

Подлинное понимание того, что означало быть женщиной в такие времена, практически недостижимо. Ритуальные практики, сакральный статус в рамках *ниттю:дзи*, а также восприятие их власти элитными и неэлитными сообществами реконструируются через призму более поздних текстов, часто пропущенных сквозь фильтры буддийской или конфуцианской мысли, что может исказить оригинальное содержание. На этом ландшафте видим институциональный каркас и формальные механизмы, но лишь смутно угадываем имманентное переживание власти.

Следовательно, реконструкция древнего женского правления – не просто историческая задача, но и комплексный

процесс, требующий постоянной рефлексии об ограниченности исследовательских инструментов и неизбежности анахронизма. Критическое осознание этих ограничений, равно как и стремление максимально приблизиться к пониманию власти женских императоров через призму их собственного, утраченного мира, а не наших идеологических ожиданий, является важной частью этого текста. Это делает изучение данного феномена не только сложным, но и уникально показательным для выявления границ исторического познания в целом.

Современные дискуссии о возможной отмене или ревизии Закона об Императорском доме 1889 г. (*ко:сицу тэнпан*), законодательно закрепившего принцип исключительного мужского первородства в престолонаследии, недооценивают системообразующую и консервирующую роль этого закона, ставшего не просто юридической кодификацией, а ключевым элементом сакрально-юридического каркаса, формально зафиксировавшего и защитившего онтологическое ядро традиционной системы – патрилинейную преемственность *удзи* как основу *бансэй иккэй*. Отмена этого принципа в пользу допущения женщин или наследования окажется не просто реформой, а онтологическим переворотом: это разрушит политический конструкт *удзи*, на котором зиждется миф *бансэй иккэй*, и подорвёт сакральную легитимность династии в её традиционном понимании, превратив *бансэй иккэй* из «вечности линии» в историческую метафору, лишённую имманентной связи с мужской кровью и ритуальной практикой *сайсэй итти*. Последствия такой отмены будут несопоставимо глубже, чем упразднение *миакэ* (боковых императорских домов) в 1947 г. по указу американских оккупантов.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. 若井利明。邪馬台国の滅亡。東京：吉川弘文館、2010年
2. 渡辺義弘著『三国志史料研究』中央公論新社、2012年
3. Дугин А. Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государствен-

- ного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 7–21. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-7-21
4. 井上光貞. 日本の古代国家. 東京: 岩波書店、1971年
  5. 久保貴子. 近代初期の朝廷の管理: 朝廷と幕府の関係の発展. 東京: 岩田書院、1998年
  6. 倉西裕子. 日本書紀の真実. 東京: 講談社、2003年
  7. 小川武夫. 伏見家の成立: 貞房親王・貞常親王 // 関門日記と中世文化. 東京: 神話社、2009年
  8. 岡本健一. 山台国の議論. 東京: 講談社、1995年
  9. 岡野友彦. 源氏から日本国王へ. 東京: 講談社、2003年
  10. 大原ひとし. 仏像の状態に達する女性の理論の認識について // 日本上西シロンシュウ: 第5. 東京: 吉川古文館. 142–158.
  11. 大津徹. 天皇の歴史. 第1巻: 神話から歴史へ. 東京: 講談社 (学術文庫)、2017年
  12. 令の注釈 // 神帝造法: 国史大系. 第22巻. 東京: 吉川弘文館、1966年
  13. 三時代の規定集 // 国史大系. 第12巻. 東京: 経済新聞社、1900年
  14. 聖徳太子 // 日本思想: 大系 (日本思想図書館). 第1巻. 東京: 岩波書店、1970年
  15. 白石太一郎. 考: 考学からみた政治二重: 重都: 聖 // 国立歴史民俗博物館研究: 法国. 2003年、第108号、93–118頁
  16. 清家暁. 副葬品と被葬者の性別 // 雪の山古墳 古: 殺編. 八日市: 八日市市教育委員会、1996年. 175–200頁
  17. 関義明. 桜井茶臼山古墳から出土した石造物 // 桜井茶臼山古墳の研究. 大阪: 大阪市立大学、2005年. 95–114頁
  18. 平将之. 日本中: 聖の社会と仏教: (中世日本の社会と仏教). 東京: 塙書房、1992年
  19. 竹島宏著『王朝時代皇居史』宇門書院、1936年
  20. 田中善之著『古墳時代の親族関係に関する研究: 遺骨研究から復元する社会』柏書房、1995年
  21. 藤森薫. 恋けいしょう: は宇治の理論でおこなわれてきた // 日本を語る: 恋けいしょう: 編. 東京: 小学館、2007年
  22. 橋本政信. 近世宮廷貴族の研究. 東京: 吉川弘文館、2002年
  23. 塚口善夫. 桜井茶臼山古墳とメスリ山古墳の被葬者について. 日本書紀研究. 1997年. 第21号. 69–86頁
  24. A Chronicle of Gods and Sovereigns: Jinnō Shōtōki of Kitabatake Chikafusa / trans. by H. P. Varley. NY: Columbia University Press, 1980. 300 p.
  25. Akiko Yo. When Antiquity Meets the Modern: Presenting the Female Rulers in the Making of Japanese History [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.v.main.teikyo-u.ac.jp/tosho/shigaku29-14.pdf> (дата обращения: 12.08.2025).
  26. Bix H. P. Hirohito and the Making of Modern Japan. London, NY: HarperCollins, 2000. 840 p.
  27. Bock F. G. Classical Learning and Taoist Practices in Early Japan. Tempe: Arizona State University, 1985. 100 p.
  28. Bokenkamp S. R. Daoism // The Cambridge History of China. Vol. 2: The Six Dynasties, 220–589. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 553–578.
  29. Bowring R. Review of Jeffrey L. Richey (ed.), Daoism in Japan: Chinese traditions and their influence on Japanese religious culture, London: Routledge 2015 // Japonica Humboldtiana. 2016. Vol. 18. P. 203–207.
  30. Buruma I. A Japanese Mirror: Heroes and Villains of Japanese Culture. London: Vintage, 1995. 276 p.
  31. Campamy R. F. On the Very Idea of Religions (In the Modern West and in Early Medieval China) // History of Religions. 2003. Vol. 42. P. 287–319.
  32. Huffman J. L. Japan in world history. Oxford: Oxford University Press, 2010. 180 p.
  33. Hirobumi Itō. Commentaries on the Constitution of the Empire of Japan / Trans. by Miyoji Itō. Tokyo: Igarisu hōritsu gakkō, 1889. 278 p.
  34. Jay J. W. Imagining Matriarchy: 'Kingdoms of Women' in Tang China // Journal of the American Oriental Society. 1996. Vol. 116. P. 220–229.
  35. Kishimoto N. Dual Kingship in the Kofun Period as Seen from the Keyhole Tombs // UrbanScope. 2013. Vol. 4. P. 1–21.
  36. Kojiki / trans. D. L. Philippi. Tokyo: University of Tokyo Press, 1968. 672 p.

37. Matsuzono H. A Study of 'Miyake' in Medieval Japan // Transactions of the Institute for Cultural Studies. 2010. Vol. 25. P. 1–31.
38. McKay N. More than placeholders: The 'century of empresses' against modern succession laws // Melbourne Asia Review. 2022. Vol. 12. URL: <https://www.melbourneasiareview.edu.au/more-than-placeholders-the-century-of-empresses-against-modern-succession-laws> (дата обращения: 12.08.2025).
39. Meeks L. The Disappearing Medium: Reassessing the Place of Miko in the Religious Landscape of Premodern Japan // History of Religions. 2011. Vol. 50. P. 208–260.
40. Mori M. Ancient and Classical Japan: The Dawn of Shinto // Shinto – A Short History. London: Routledge, 2003. P. 12–62.
41. Nagaoka T. The Political Function of Female Emperors in Ancient Japan // Journal of Japanese History. 2006. Vol. 42. P. 17–24.
42. Ooms H. Imperial Politics and Symbolics in Ancient Japan: The Tenmu Dynasty, 650–800. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2009. 381 p.
43. Pei-ying Lin. The Rebirth Legend of Prince Shōtoku: Buddhist Networks in Ninth Century China and Japan // Buddhist Encounters and Identities Across East Asia / eds. by A. Heirman, C. Meinert, Ch. Anderl. Leiden: Brill, 2018. P. 301–319.
44. Richey J. L. Daoist Cosmogony in the Kojiki 古事記 Preface // Religions. 2021. Vol. 12. URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/12/9/761> (дата обращения: 12.08.2025).
45. Shillonu B.-A. Will an empress save the Japanese monarchy? // Japanese Monarchy: Past and Present. London: London School of Economics and Political Science, 2006. P. 1–17.
46. Shillonu B.-A. Enigma of the Emperors: Sacred Subservience in Japanese History. Folkestone: Global Oriental, 2005. 320 p.
47. Shima Yo. On the Discussion of the Japanese Imperial Family // The Waseda Journal of General Science. 1993. Vol. 43. P. 209–240.
48. Sources of Japanese Tradition / eds. by R. Tsunoda, Wm. T. de Bary, D. Keene. NY, London: Columbia University Press, 1958. 556 p.
49. The Ten Thousand Leaves: A Translation of the Man'yōshū. Vol. 1. Princeton: Princeton University Press, 1981. 409 p.
50. Webb H. The Japanese Imperial Institution in the Tokugawa Period. NY: Columbia University Press, 1968. 296 p.

## REFERENCES

1. 若井利明. 邪馬台国の滅亡. 東京: 吉川弘文館、2010年
2. 渡辺義弘著『三国志史料研究』中央公論新社、2012年
3. Dugin, A. G. (2024). Westernology: in the direction of sovereign Russian science. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 3, 7–21. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-7-21 (in Russ.).
4. 井上光貞. 日本の古代国家. 東京: 岩波書店、1971年
5. 久保貴子. 近代初期の朝廷の管理: 朝廷と幕府の関係の発展. 東京: 岩田書院、1998年
6. 倉西裕子. 日本書紀の真実. 東京: 講談社、2003年
7. 小川武夫. 伏見家の成立: 貞房親王・貞常親王 // 関門日記と中世文化. 東京: 神話社、2009年
8. 岡本健一. 山台国の議論. 東京: 講談社、1995年
9. 岡野友彦. 源氏から日本国王へ. 東京: 講談社、2003年
10. 大原ひとし. 仏像の状態に達する女性の理論の認識について//日本上西シロンシュウ: 第5. 東京: 吉川古文館. 142–158.
11. 大津徹. 天皇の歴史. 第1巻: 神話から歴史へ. 東京: 講談社(学術文庫)、2017年
12. 令の注釈// 神帝造法: 国史大系. 第22巻. 東京: 吉川弘文館、1966年
13. 三時代の規定集// 国史大系. 第12巻. 東京: 経済新聞社、1900年
14. 聖徳太子// 日本思想: 大系(日本思想図書館). 第1巻. 東京: 岩波書店、1970年
15. 白石太一郎. 考: 考学からみた政治二重: 州都: 聖 // 国立歴史民俗博物館研究: 法国. 2003年、第108号、93–118頁
16. 清家暁. 副葬品と被葬者の性別// 雪の山古墳 古: 殺編. 八日市: 八日市市教育委員会、1996年. 175–200頁

17. 関義明. 桜井茶白山古墳から出土した石造物 // 桜井茶白山古墳の研究. 大阪: 大阪市立大学、2005年. 95–114頁
18. 平将之. 日本中: 聖の社会と仏教: (中世日本の社会と仏教). 東京: 塙書房: 1992年
19. 竹島宏著『王朝時代皇居史』宇門書院、1936年
20. 田中善之著『古墳時代の親族関係に関する研究: 遺骨研究から復元する社会』柏書房、1995年
21. 藤森薫. 恋けいしょう: は宇治の理論でおこなわれてきた // 日本を語る: 恋けいしょう: 編. 東京: 小学館、2007年
22. 橋本政信. 近世宮廷貴族の研究. 東京: 吉川弘文館、2002年
23. 塚口善夫. 桜井茶白山古墳とメスリ山古墳の被葬者について. 日本書紀研究. 1997年. 第21号. 69–86頁
24. Varley, H. P., transl. (1980). *A Chronicle of Gods and Sovereigns: Jinnō Shōtōki of Kitabatake Chikafusa*. NY: Columbia University Press.
25. Akiko Yo. (2014). *When Antiquity Meets the Modern: Presenting the Female Rulers in the Making of Japanese History*. Abstract at: URL: <https://apps.main.teikyo-u.ac.jp/tosho/shigaku29-14.pdf> (accessed: 25.08.2025).
26. Bix, H. P. (2000). *Hirohito and the Making of Modern Japan*. London, NY: HarperCollins.
27. Bock, F. G. (1985). *Classical Learning and Taoist Practices in Early Japan*. Tempe: Arizona State University.
28. Bokenkamp, S. R. (2020). Daoism. In: *The Cambridge History of China. Vol. 2: The Six Dynasties*, 220–589. Cambridge: Cambridge University Press, 553–578.
29. Bowring, R. (2016). Review of Jeffrey L. Richey (ed.) *Daoism in Japan: Chinese traditions and their influence on Japanese religious culture*, London: Routledge 2015. In: *Japonica Humboldtiana*, 18, 203–207.
30. Buruma, I. (1995). *A Japanese Mirror: Heroes and Villains of Japanese Culture*. London: Vintage.
31. Campany, R. F. (2003). On the Very Idea of Religions (In the Modern West and in Early Medieval China). In: *History of Religions*, 42, 287–319.
32. Huffman, J. L. (2010). *Japan in world history*. Oxford: Oxford University Press.
33. Hirobumi Itō. (1889). *Commentaries on the Constitution of the Empire of Japan*. Tokyo: Igrisu hōritsu gakkō.
34. Jay, J. W. (1996). Imagining Matriarchy: 'Kingdoms of Women' in Tang China. In: *Journal of the American Oriental Society*, 116, 220–229.
35. Kishimoto, N. (2013). Dual Kingship in the Kofun Period as Seen from the Keyhole Tombs. In: *UrbanScope*, 4, 1–21.
36. Philippi, D. L., trans. (1968). *Kojiki*. Tokyo: University of Tokyo Press.
37. Matsuzono, H. (2010). A Study of 'Miyake' in Medieval Japan. In: *Transactions of the Institute for Cultural Studies*, 25, 1–31.
38. McKay, N. (2022). More than placeholders: The 'century of empresses' against modern succession laws. In: *Melbourne Asia Review*. Abstract at: <https://www.melbourneasiareview.edu.au/more-than-placeholders-the-century-of-empresses-against-modern-succession-laws> (accessed: 12.08.2025).
39. Meeks, L. (2011). The Disappearing Medium: Reassessing the Place of Miko in the Religious Landscape of Premodern Japan. In: *History of Religions*, 50, 208–260.
40. Mori, M. (2003). Ancient and Classical Japan: The Dawn of Shinto. In: *Shinto – A Short History*. London: Routledge, 12–62.
41. Nagaoka, T. (2006). The Political Function of Female Emperors in Ancient Japan. In: *Journal of Japanese History*, 42, 17–24.
42. Ooms, H. (2009). *Imperial Politics and Symbolics in Ancient Japan: The Tenmu Dynasty, 650–800*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
43. Pei-ying Lin. (2018). The Rebirth Legend of Prince Shōtoku: Buddhist Networks in Ninth Century China and Japan. In: Heirman, A., Meinert, C. & Anderl, Ch., transl. *Buddhist Encounters and Identities Across East Asia*. Leiden: Brill, 301–319.
44. Richey, J. L. (2021). Daoist Cosmogony in the Kojiki 古事記 Preface. In: *Religions*. Abstract at: <https://www.mdpi.com/2077-1444/12/9/761> (accessed: 12.08.2025).

45. Shillonu, B.-A. (2006). Will an empress save the Japanese monarchy? In: *Japanese Monarchy: Past and Present*. London: London School of Economics and Political Science, 1–17.
46. Shillony, B.-A. (2005). *Enigma of the Emperors: Sacred Subsistence in Japanese History*. Folkestone: Global Oriental.
47. Shima, Yo. (1993). On the Discussion of the Japanese Imperial Family. In: *The Waseda Journal of General Science*, 43, 209–240.
48. Tsunoda, R., Bary de, Wm. T. & Keene, D. (1958). *Sources of Japanese Tradition* / eds. by NY, London: Columbia University Press.
49. (1981). *The Ten Thousand Leaves: A Translation of the Man'yōshū*. Vol. 1. Princeton: Princeton University Press.
50. Webb, H. (1968). *The Japanese Imperial Institution in the Tokugawa Period*. NY: Columbia University Press.

---

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суханов Максим Юрьевич (г. Москва) – аналитик учебно-научного центра «Высшая политическая школа им. Ивана Ильина» Российского государственного гуманитарного университета;  
e-mail: maximsukhanov2021@gmail.com; ORCID: 0009-0003-3495-3133

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim Yu. Sukhanov (Moscow) – analyst, Ivan Ilyin Higher School of Politics, Russian State University for the Humanities;  
e-mail: maximsukhanov2021@gmail.com; ORCID: 0009-0003-3495-3133